

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

5

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Т. А. ЖДАНКО

БЫТ КОЛХОЗНИКОВ РЫБОЛОВЕЦКИХ АРТЕЛЕЙ НА ОСТРОВАХ ЮЖНОГО АРАЛА

Северная, приморская территория Кара-Калпакской АССР, включающая весь Муйнакский и западную часть Тахта-Купырского района республики, отличается большим природным и историко-культурным своеобразием. В пределах этой территории расположены в нижней части дельты Аму-Дарьи, южное побережье Аральского моря и острова южного Арала.

В обширной дельтовой области великой среднеазиатской реки с ее изменчивым водным режимом, на местности, прорезанной множеством действующих и отмирающих дельтовых протоков, постоянно меняющих свое направление, среди озер, плавней, тугайных и камышовых зарослей — население с древнейших времен занималось комплексным хозяйством, сочетая скотоводство с примитивным, неустойчивым земледелием и рыболовством. Этот тип хозяйства, сложившийся в дельтовых областях Приаралья, еще до недавнего времени составлял этнографическую особенность местного населения — каракалпаков, так называемых «аральских» узбеков северного Хорезма, части присырдарьинских казахов и туркмен севера Ташаузской области¹. В особенности устойчивые и яркие черты этого типа хозяйства и обусловленного им полупоседлого образа жизни сохраняли каракалпаки, жившие в приморской полосе Кара-Калпакской АССР.

Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР уже в 1946 г. начал свои полевые исследования среди населения северной Кара-Калпакии². С 1956 по 1959 г. эти работы приняли характер систематического изучения исторического прошлого и современного быта населения расположенных в приморской Кара-Калпакии поселков рыболовецких колхозов³. В 1958 г. отряд, совместно с группой этнографов Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, провел работу сперва на полу-

¹ См. Т. А. Жданко, Проблема полупоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1961, № 2, стр. 53—59.

² В 1946 г. отряд работал в поселках рыболовецких колхозов Муйнакского района Кара-Калпакской АССР: «Кзыл аскар», им. Ворошилова, «Кенес», им. Марата, им. Калинина.

³ См. отчеты отряда: Т. А. Жданко, Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959, стр. 190—208; ее же, Работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1957 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960, стр. 157—160.

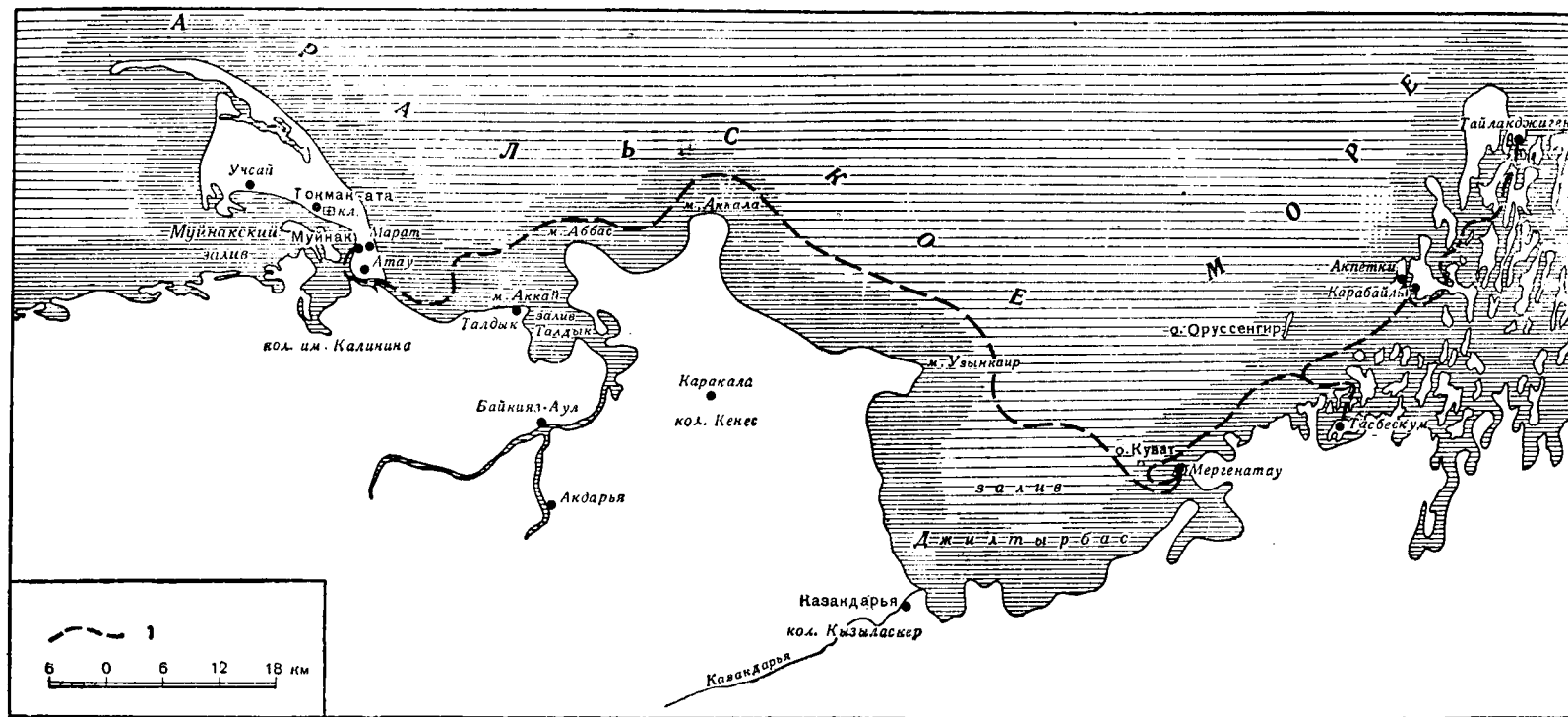

Рис. 1. Маршрут Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1958 г. по островам южного Арала

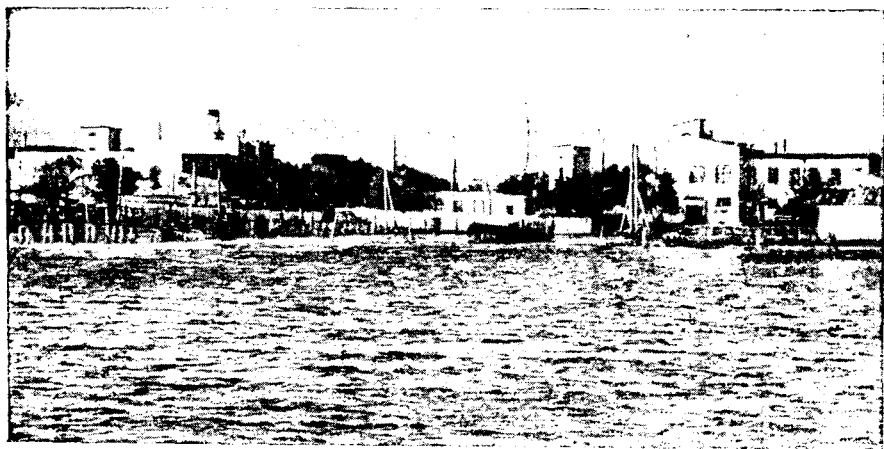

Рис. 2. Муйнакский рыбоконсервный комбинат

острове Муйнак, в двух рыболовецких колхозах — им. Марата и «40 лет Октября», а затем на морском сейнере, выделенном для экспедиции Муйнакским рыбоконсервным комбинатом, вышел в море и продолжил свои исследования на пяти островах южного Арала, в расположенных там рыболовецких колхозах и рабочих поселках.

Эти пять небольших островов — Карабайлы, Акпетки, Тайлакджиген, Тасбескум и Мергенатау — входят в состав Акпеткинского аулсовета Муйнакского района Кара-Калпакии. На них расположены рыбоприемочные пункты Муйнакского рыбоконсервного комбината; большая часть населения объединена в образовавшийся в 1931 г. рыболовецкий колхоз «Красный рыбак», остальные работают на рыбоприемочных пунктах. Общее число жителей Акпеткинского аулсовета на 1 мая 1958 г. составляло 1153 чел.

Самый большой поселок — на о-ве Карабайлы, где находится центр аулсовета; там живет 337 чел., в том числе 312 казахов и 25 каракалпаков. На о-ве Тайлакджиген — 302 чел., в том числе 296 казахов. На о-ве Акпетки сплошь казахское население — 164 чел. На остальных двух островах население каракалпакское: на о-ве Тасбескум — 124 чел., на Мергенатау всего 209 чел., из них только 7 (2 хозяйства из 41) казахи, остальные каракалпаки⁴.

К Акпеткинскому аулсовету относится также животноводческая ферма колхоза «Красный рыбак», расположенная на материке, возле Шейхамана, на севере Чимбайского района. Там, близ возвышенности Кушканатау живут и работают 35 человек, по национальности в большинстве казахи.

По своей этнической принадлежности каракалпаки изучаемого района относились в прошлом к родоплеменному объединению конграт⁵. В колхозах им. Марата и «40 лет Октября» на п-ве Муйнак преобладают этнографические (прежние родоплеменные) группы колдаулы и кият. Каракалпаки, живущие на островах, почти все относятся к группе мюйтен, а казахи — к издавна жившей по соседству с мюйтенами в низовьях Сыр-Дарьи племенной группе алим.

⁴ Данные о численности и национальном составе населения поселков получены в Акпеткинском аулсовете во время работы отряда в 1958 г.

⁵ Родоплеменная система каракалпаков подразделялась на два основных отдела (арыс) — конграт и он-торт уру (14 родов). См. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IX, М., 1950.

Отрядом⁶ в 1958 г. собран большой историко-этнографический материал, освещающий прошлое и настоящее этого отдаленного района, социалистические преобразования, происшедшие за годы советской власти в хозяйстве, быту и культуре жителей островов — исконных опытных рыболовов, превосходных знатоков бурного Арала и его рыбных богатств.

* * *

У приморских каракалпаков — мюйтенев, колдаулы, ашамайлы, кият и других — занятие рыболовством имеет глубокие исторические традиции. У мюйтенев даже роловая тамга изображала острогу (шаныш-ки) — старинное орудие рыболовства каракалпаков. В то же время приморские каракалпаки знали и земледелие, и скотоводство. Тип их хозяйства особенно хорошо выражен у мюйтенев. Мюйтены в XIX в. жили у берегов крупных Даукаринских озер, в бассейне р. Коксу и на протоке Кок-Узяк, занимаясь там в летнее время земледелием; на искусственно орошаемых угодьях они сеяли рис, просо, возделывали бахчи.

Жители мюйтенских аулов имели также стада (главным образом крупного рогатого скота), которые выпасали на расположенных неподалеку пастбищных угодьях, и, наконец, третьей отраслью их хозяйства было занятие рыболовством в озерах, протоках и в прибрежной полосе моря; выходить на лов в открытое море каракалпаки в то время не решались — их лодки (кайык) были для этого слишком малы, неустойчивы и непрочны. Кайык не имел руля; парус каракалпаки знали только прямоугольный, не позволявший маневрировать при плавании на море.

Во время рыбной ловли каракалпаки достигали расположенных поблизости от берега островов, однако условия жизни на них были неблагоприятны. Острова невелики, песчаные и безволны, представляя собой как бы небольшие участки пустыни, заброшенные в открытое, бурное море; они подвержены постоянным сильным северо-восточным ветрам и штормам, во время которых нередко их низменные участки затапливают морские волны. Жара, безводье и штормы сменяются зимой холодом и снежными вьюгами; море вокруг островов замерзает. И все же жители приморья, каракалпаки и казахи, большей частью прикочевывали на острова зимой: у большинства небогатых хозяйств не хватало на зиму скудных запасов продуктов земледелия и скотоводства; начиналась голодовка, и каракалпаки целыми семьями, а иногда и целыми родственными аулами уходили к морю, где всегда могли, применяя разные способы подледного лова, добыть обильную пищу — рыбу. Используя сани и поставленные на полозья лодки, они кочевали по льду к островам, где ставили у подножья песчаных бугров свои легкие юрты, утепляя их камышовыми изгородями и циновками. В песках они находили топливо — кусты жангыла и саксаула, а пресную воду получали, растапливая лед и снег. К весне каракалпаки уходили с островов, возвращаясь на «большой земле» к занятиям земледелием и бахчеводством. Лишь вследствие изменений в географических условиях, последовавших в конце XIX — начале XX в., — пересыхания Даукаринских озер, реки Янысу и Кок-Узяка и затопления водами Арала некоторых районов прибрежной полосы — каракалпаки-

⁶ В состав этнографического отряда, работавшего на островах южного Арала, входили: начальник отряда Т. А. Жданко мл. науч. сотрудник Н. П. Лобачева, топограф Н. И. Игннин, фотограф Ю. А. Аргиропуло, художник Т. В. Полетика, архитектор Ю. В. Стелюк и группа этнографов Каракалпакского филиала АН УзССР: ст. науч. сотрудник У. Х. Шалекенов, мл. научные сотрудники А. Туреев, У. Калниязов, С. Аметов, студент-практикант А. Джарылкаганов.

бедняки стали переселяться на острова, расположенные близ устья Янысу, переключившись на рыболовство как основное занятие и окончательно оставив земледельческое хозяйство.

«Когда мы жили на Кок-Узьяке, — сообщил наш информатор каракалпак Каняз Хсжагулов, житель о-ва Тасбескум, — мой дед и отец еще занимались земледелием. Когда же Кок-Узьяк обмелел, волостной управитель четыре года подряд получал с мюйтенов взятки за обещание пустить воду из Кок-Узьяка на их земли. Взятки брали, но воду так и не отвели. Тогда мюйтены ушли с Кок-Узьяка в места, удобные для рыболовства». Другой старик сообщил: «Отец мой жил на Кок-Узьяке и занимался земледелием, это было лет 90 тому назад. Но уже лет 50—60 тому назад там земледелия не было. Сам уж я никогда не занимался ни земледелием, ни скотоводством, только рыболовством». Жители Тасбескума помнят то время, когда остров был еще соединен с сушей; здесь были озера, пресная вода, сеяли рис.

Казахское население, меньше связанное с земледелием, чаще переселялось на острова на более или менее длительное время. 70-летний рыбак, житель Тайлакджигена, рассказывал нам: «На острова ранше каракалпаков пришли казахи. Отец мой родился на острове Карабайлы, сам я — тоже уроженец этого острова. Занимались бедняки рыболовством, у баев же был скот, который здесь пасся». Другой старик, с о-ва Карабайлы, сообщил: «Раньше наша аул находился на острове Шахсхи; мы кочевали, переходили с острова на остров; был у нас мелкий рогатый скот, но в основном занимались рыболовством. Земледелием совсем не занимались». Но некоторые группы казахского населения прежде были связаны и с земледелием. 98-летний старик-казах, родившийся на о-ве Кыргыш, помнит, что раньше этот остров был соединен с сушей, там была пресная вода, и казахи его аула занимались скотоводством и земледелием — сеяли дыни, просо, джугару.

Каракалпаки и казахи Аральского приморья знали много разнообразных снастей и орудий лова, приспособленных для рыболовства в различных водоемах: в протоках реки и озерах, в море. Но все они были довольно примитивны, соответствуя общему техническому уровню отсталого хозяйства этих народов. Для ловли крупной рыбы — шипа (бекре), усача (суен) и др. в протоках дельты каракалпаки устраивали так называемое «каза» — сооружение из связок камыша, которым перегораживали протоки. Посредине этой загородки оставляли отверстие; через него рыба, шедшая против течения, попадала в большую, тоже камышовую западную, круглую в плане, откуда уже не могла выбраться; рыбаки доставали ее оттуда острогой или вылавливали руками. Несколько более сложна была снасть, называемая «керши», для ловли сома и некоторых других рыб. Это большая треугольная рама из длинных жердей, на которой укреплена сделанная в виде сачка сетка. При погружении в воду сачок располагали горизонтально. Отверстие рамы заплетали бечевкой, но в нем оставляли широкий круглый проход. Этот вид сачка укрепляли близ берега на дне реки или протоки, причем повыше его рыбаки делали небольшую загородку, возле которой образовывался водоворот — излюбленное место лежки сомов. От керши протягивали веревку, которую держал лежащий на берегу рыбак. По рывку веревки он узнавал, что в керши попала рыба, поднимал раму с сачком и доставал добычу. Для ловли рыбы в реках и на морском побережье применялась также острога «шанышкы» — трезубая, с более коротким средним зубом. С острогой иногда охотились по ночам, привлекая рыбу к лодке ярким светом от камышового факела, зажженного на корме. Каракалпакские рыбаки отличались изумительной ловкостью в бое рыбы острогой. Ловили рыбу также удочкой «кармак» с особыми крючьями для каждой рыбы — сома, леща, усача и др. На озерах применялась рыболовная сеть, сплетенная из волокна

кендыря. Зимой рыбачили в прорубях, извлекая оттуда рыбу сетями и орудием, называемым «илме», представлявшим собой длинную, как у остроги, рукоятку с железным, круго загнутым острым наконечником, который осторожно подводили под проплывающую рыбу и быстро подсекали ее под брюхо, вытаскивая затем на лед. Сеть на круглом обруче, опускавшаяся в прорубь, называлась «жлым». Употребляли рыбаки также бредни «дагды».

Во время рыболовного сезона каракалпаки, работавшие при помощи каза и других снастей, жили среди камышей в плавучих шалашах, устроенных на плотках, — «сал». Плоты вязали из снопов тростника-джикена. Иногда вместо плотов шалашаи устанавливали на искусственных островах: срезав выше уровня воды густой камыш, на образовавшуюся «щетку» клали вязанки камыша и получалась небольшая, но достаточно устойчивая площадка, на которой и располагались рыбаки.

После присоединения территории южного Приаралья к России (1873) каракалпакское рыболовство обогатилось новыми техническими приемами, заимствованными главным образом от переселенных в низовья Аму-Дарьи ссыльных казаков-уральцев, искусных рыбаков. От них каракалпаки переняли большие невода (дарья жлым), вентерь (на-рете), научились строить прочные устойчивые рыбацьи лодки уральского образца, наконец — овладели парусом треугольной формы, имевшим значительные преимущества по сравнению с четырехугольным, облегчая лучшее использование ветра и маневрирование лодки. Однако прогрессивное русское влияние на технику рыболовства сильно снижалось закабалением каракалпакских рыбаков русскими рыбопромышленниками, кулаками-уральцами и местными баями, разбогатевшими на торговле рыбой с Россией.

Рыбные промыслы, возникшие на Аральском побережье уже с 1876 г., стали расти после проведения в 1905 г. железной дороги, соединившей Ташкент с Оренбургом. Если раньше рыба использовалась местным населением главным образом как продукт питания и вывозилась преимущественно на местные базары Хивинского оазиса, то после присоединения этой территории к России рыбороторговцы стали отправлять ее большими партиями по железной дороге в Оренбург, Бухару, Чарджоу и другие отдаленные города.

На промыслах работали жестоко эксплуатируемые русскими промышленниками рыбаки и рабочие, главным образом каракалпаки и казахи. Скудного заработка им не хватало даже на пропитание. С утра до ночи работали рыбаки, нанимавшиеся за мизерную плату. В буран и стужу гнали их хозяева в море на небольших гребных лодках. И все же низкие заработки не обеспечивали прожиточного минимума рыбацких семей, влечавших нищенское существование. Заниматься рыболовством самостоятельно становилось все труднее. Все лучшие, изобилующие рыбой водоемы захватили в свое пользование рыбопромышленники. Бедняки-каракалпаки не имели возможности приобретать дорогие неводы и лодки и обычно, собираясь артелями, арендовали их у богатых владельцев, отдавая за это половину улова. Таким образом, и не нанимавшиеся к кулакам и рыбопромышленникам рыболовы оказывались у них в кабале.

Очень многие из нынешних жителей обследованных нами поселков поступали рабочими на промыслы и в связи с этим окончательно переселились на острова. В сделанных рыбопромышленниками холодильниках (шулен) запасали зимой лед, который летом заменял населению пресную воду. Жили по-прежнему в юртах или в построенных промышленниками казармах.

Среди владельцев рыбных промыслов, помимо русских (например, Еникеева, братьев Любимовых), жители островов часто упоминают

богатого каракалпака Лепес-бая, у которого на Терменбесе было восемнадцать холодильников; у него работало 300 рабочих (малай); кроме того, у бая были большие стада — 800 голов коз и овец, 300 голов крупного рогатого скота, 200 лошадей. Занимался он и торговлей, имел около двадцати лавок в разных местностях. Но рабочие у него зарабатывали в месяц не больше двух рублей; работали своими снастями, для изготовления которых бай выдавал авансом пряжу, из расчета 1 фунт пряжи за 1000 штук рыбы. Если рыбак в течение года не доставлял это количество рыбы, на следующий год долг удваивался. «Так наш родственник Саяке-самат остался должником Лепес-бая до конца своей жизни», — завершил свой рассказ о Лепес-бае старый рыбак, житель острова Тасбескум.

* * *

В первые же годы революции все промыслы рыбопромышленников были конфискованы.

В 1928 г. образовался Аралгосрыбтрест, большинство рыбаков в 1930—1931 гг. вступило в колхозы. В результате весь лов рыбы сосредоточился в руках государства и рыболовецких колхозов, объединяемых Рыбакколхозсоюзом, активно помогавшим окрепнуть первым рыболовецким артелям. В годы своей организации колхоз им. Марата и другие имели всего по несколько лодок, сетей, вентерей. Государство через Рыбакколхозсоюз оказывало им материальную помощь, предоставляло кредиты на приобретение орудий лова, судов, заботилось об улучшении культурно-бытовых условий жизни рыбаков. Государственный лов сразу же был оснащен флотилией моторных транспортных и рыболовных судов, на промыслах были построены крупные, хорошо оборудованные ледники. Рыбаков-колхозников стала обслуживать организованная на Муйнаке в 1933 г. моторно-рыболовецкая станция со специальными судами.

В настоящее время Муйнакский район Кара-Калпакии доставляет 60% всей добываемой на Аральском море рыбы и 96,3% рыбы, добываемой в Узбекистане. Южная часть Арала и дельта Аму-Дарьи играют ведущую роль в добыче всех промысловых рыб: больше всего вылавливают здесь леща, сазана, воблы, сома, щуки, много также усача, судака; из наиболее ценных пород распространены шип и лосось.

Государственный лов ведут пять рыбозаводов, расположенных на побережье и островах, колхозный — девять рыболовецких колхозов⁷. Рыболовство все более механизмуется и оснащается новыми орудиями.

За годы, прошедшие со времени организации колхозов, произошли коренные изменения в условиях труда и производственной жизни рыбаков. Прибрежный лов постепенно вытесняется на Аральском море механизированным глубинным ловом, для которого используются сейнерные суда, капроновые ставные сети и морские неводы. Уже в 1958 г. в колхозном и государственном лове Муйнакского района участвовало более ста самоходных судов. В 1959 г. моторно-рыболовецкая станция была реорганизована в судоремонтную техническую станцию, колхозы стали приобретать суда в собственность. Теперь каждая артель имеет свой флот — по три-четыре сейнера, по несколько быстроходных катеров, мотопелюг и десятки моторных и добротных гребных вентерей лодок. Существенно увеличивает улов применение различных усовершенствованных снастей. На многих судах имеются специальные устройства для механизации спуска и подъема сетей. Все больше ста-

⁷ До укрупнения колхозов в 1960 г. их было двенадцать.

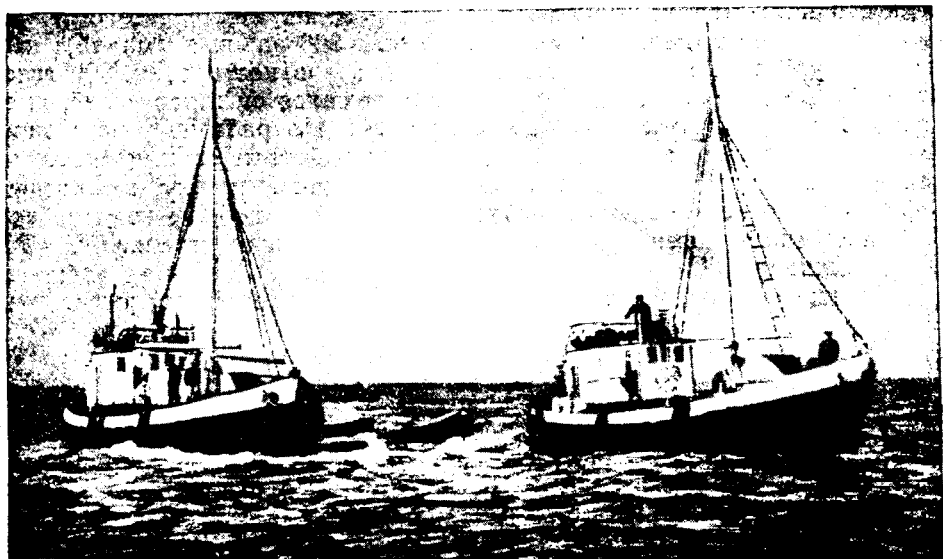

Рис. 3. Сейнеры идут на лов

новится в южноаральском флоте крупных рефрижераторных судов для транспортировки рыбы. Приемщики объезжают рыбацкие станы на судах с холодильниками, что снимает необходимость поездок рыбака один — два раза в день на приемочные пункты и обеспечивает лучшую сохранность рыбы. Колхозы оборудуют хорошо утепленные рыбацкие станы, вместо прежних убогих шалашей.

Одним из самых трудных видов работы аральских рыбаков является и в настоящее время зимний подледный лов. Когда морозы сковывают ледяным покровом заливы и прибрежные территории Арала, рыбаки запрягают лошадей в сани, грузят на них снасти, продовольствие, железные пешни «суймен» для пробивания льда и отправляются на далекие коши. Для установки сетей во льду вырубает тысячи лунок и длинные, до 40 м, проруби. Зимой рыбаки ежедневно перебирают в ледяной воде сотни метров сетей и неводов, устанавливают подледные вентери. В осенние и весенние периоды, когда в море «ни лед, ни вода», рыбаки также не прекращают работы, используя лодки, на днище которых прикреплены полозья. В зависимости от необходимости их спускают на воду или, вытаскивая на льдины, волокут как сани. Бывают случаи, когда отважных рыбаков в непогоду волны и ветер уносят на льдинах далеко в открытое море. Тогда включается в поиски авиация, обеспечивающая спасение людей.

Подледный лов теперь также переходит на более высокий технический уровень. Механизируется самый тяжелый труд — вырубка в толстом льду прорубей.

Повышение технического уровня рыболовства приводит к росту улова и доходов колхозов. Так, в колхозе им. Марата улов, приходящийся на одного рыбака, увеличился в 1959 г. по сравнению с 1940 г. в 2,2 раза (с 71 ц до 157 ц), а средний годовой доход одного рыбака-колхозника достиг в 1959 г. 13443 руб. При этом заработок колхозников в некоторых передовых бригадах и звеньях составлял в среднем больше двух тысяч руб. в месяц.⁸ Возросли соответственно и ст-

⁸ См. М. Штейнгарт и Ш. Тлеубергенов, Рыболовецкий колхоз им. Марата, «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1960, № 2, стр. 75—77. Здесь за работы учтены в старом масштабе цен.

числения в неделимые фонды колхоза им. Марата. С 1955 г. — времени его переселения на Муйнак в связи с затоплением его прежнего селения в дельте Аму-Дарьи — здесь построен уже большой новый поселок городского типа с благоустроенными усадьбами, электричеством, производственными и культурно-бытовыми зданиями. Вырос и другой изучаемый нами колхоз — «Красный рыбак», расположенный на островах. Рыбаки этой артели добывают также очень много рыбы (преимущественно крупного частика и воблы) — свыше 20 тыс. ц в год.⁹ В улове участвует, наравне с мужчинами, много женщин.

Часть колхозников рыболовецких колхозов работает в составе механизированных бригад — судовых команд, остальные — в немеханизированных — вентерных и сетных бригадах и звеньях.

Разумеется, рост технической оснащенности нынешнего рыболовства не уменьшает значения опыта и мастерства самих рыбаков. Знание моря, вечно бурного, беспокойного Арала, умение учитывать влияние на поведение рыбы силы и направления ветра, течения, глубины, великолепная осведомленность в повадках разных пород рыбы — сазана, леща, усача и др., значение излюбленных мест, где водится рыба, наконец — сноровка, смелость и опытность рыбаков, все это высоко ценится, лучшие рыболовы пользуются огромным уважением.

Отошли в далекое прошлое те времена, когда бедные, обездоленные каракалпакские рыбаки надеялись на своего покровителя — святого Мардан-ата, к которому обращались с молитвой о помощи, выходя на рыбную ловлю. Рыбы, по представлению рыбаков, делились на добрых и злых, полезных и вредных. Самой плохой считалась щука, якобы происшедшая от змеи; самой лучшей, исцеляющей от многих болезней и расположенной к людям рыбой считался сом. Немало верований, фантастических представлений, легенд и поверий, почас очень древних, отразились в прошлом в промысловом фольклоре северных

Рис. 4. С богатым уловом

⁹ Данные получены в Акпеткинском аулсовете на о-ве Карабайлы во время полетов работ.

Рис. 5. На о. Акпетки

рыболовческих каракалпакских племен Аральского приморья. Советские рыбаки с усмешкой рассказывают о прежних «приемах», практиковавшихся с целью обеспечить успешность лова.

Прогресс в повышении культурного уровня населения южного Приаралья и его профессиональной квалификации неразрывно связан с техническим прогрессом труда рыболовов. В Муйнаке организована школа подготовки и усовершенствования кадров рыбной промышленности. Эта школа и различные технические курсы готовят судоводителей, бригадиров лова, мотористов, механиков и др. Ежегодно колхозы и предприятия государственного лова пополняются квалифицированными кадрами специалистов.

Многие капитаны, бригадиры и отдельные выдающиеся рыбаки имеют высокие правительственные награды за отвагу, опыт и успехи в выполнении государственных обязательств.

* * *

Государство проявляет большую заботу о быте населения рыбацких поселков, но несмотря на это, условия жизни и работы здесь еще довольно тяжелые, главным образом в связи с суровой природной обстановкой. Вопрос о пресной воде еще радикально не разрешен. Во всех поселках имеются государственные и колхозные холодильники, наполняемые льдом, но они не всегда могут обеспечить население и скот пресной водой. Бывают теплые зимы, когда море не замерзает и нельзя запасти льда. Бывает, что шторм разрушает холодильники, в них попадает морская вода, затапливает их. Так было зимой 1957/58 г.

Местные организации обеспечивают доставку пресной воды для населения на плашкоутах, наполняемых в устье Аму-Дарьи. Жители отправляются к плашкоутам на лодках, наполняют водой боченки, которые затем на берегу переправляют к домам вьючным способом, на ослах, пользуясь для этого специальными седлами «ерши». Для радикального урегулирования водоснабжения предполагается устройство на островах артезианских скважин, которые, как и в песках пусты-

ни Кзыл-Кум, не только разрешают проблему питьевой воды и водопоя домашнего скота, но и дают возможность озеленить поселки и оросить небольшие участки земли для огородов и бахчей.

Немало трудностей и с жилищным строительством. До недавнего сравнительно времени — 1930-х годов, население островов и зиму и лето жило в юртах; домов не было. Зимой мерзли, хотя остои юрты стара-

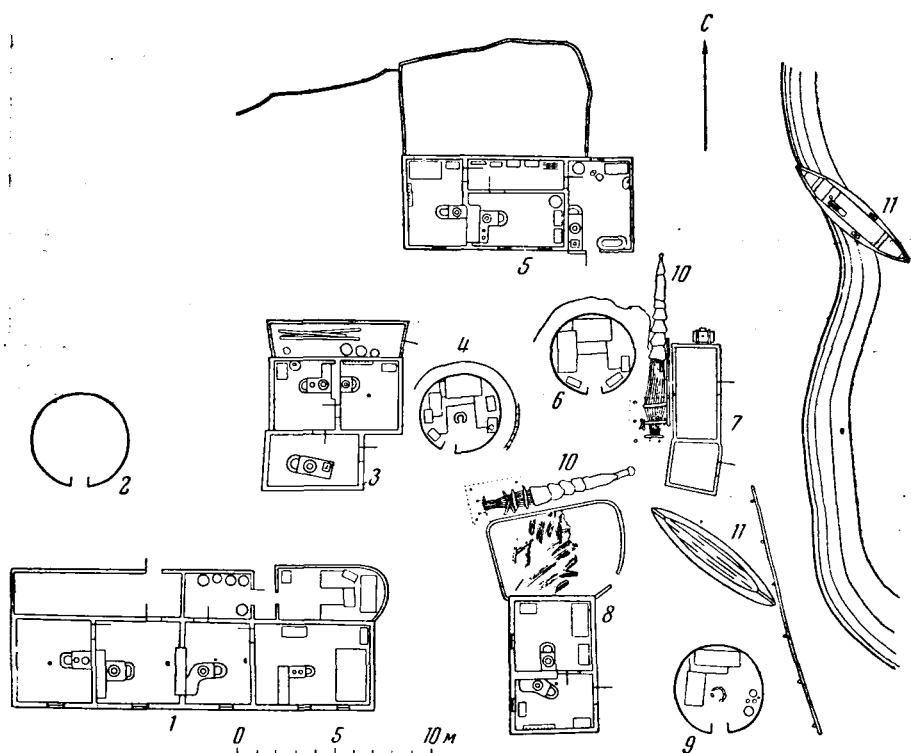

Рис. 6. План группы казахских усадеб на о. Тайлакджиген: 1 — жилой дом; 2 — юрта семьи, живущей в доме 1; 3 — жилой дом; 4 — юрта семьи, живущей в доме 3; 5 — жилой дом; 6 — юрта семьи, живущей в доме 5; 7 — хозяйственные постройки; 8 — жилой дом с прилегающими к нему хозяйственными постройками; 9 — юрта семьи, живущей в доме 8; 10 — ткацкие станки; 11 — лодки

тельно утепляли несколькими слоями циновок («шепты» и «ший») и обкладывали камышом. В дальнейшем на государственные средства были построены при рыбоприемочных пунктах дома-бараки для рабочих. Наконец, с 1936 г. стали строить себе дома и колхозники. Нынешние казахские и каракалпакские поселки на островах Арала сходны между собой. Их облик своеобразен. На белом, рыхлом сыпучем песке, у подножия песчаных бугров, защищающих от ветра, на самом берегу Аральского моря узкой полосой тянутся небольшие домики и юрты, среди которых в каждой поселке возвышается массивное здание рыбного пункта с ледником-холодильником и приемным плотом. У причала стоят колхозные суда, и весь берег усеян лодками. Усадьбы расположены беспорядочно, регулярной планировки и улиц нет — для домов приходится выбирать где можно лучшие, более ровные площадки среди песка; местами поселки расчленяются на несколько частей низинками с водой, песчаными буграми, заливчиками.

Рис. 7. Казахская усадьба с домом, юртой и хозяйственными постройками на о. Карабайлы

В каждой усадьбе — дом, юрта и множество хозяйственных построек: кухни, хлева, курятники, сараи для рыболовных снастей. Основной строительный материал — камыш, связанный в пучки-снопы «шом». Дома типа «какра» — каркасные, с заполнением из камыша; кровля двускатная, также крытая камышом: поверх камыша стены и кровля обмазаны глиной. Это — строительная техника, преобладающая во всем Муйнакском районе. Но на большинстве островов нет глины, повсюду один лишь песок. Население привозит глину для своих построек на лодках, из нескольких местностей, где неглубоко на дне моря обнаружены ее залежи. Копают стоя в воде, затем грузят глину в лодку и привозят домой, где месят ее и обмазывают постройки. На хозяйственные строения глину не тратят, экономят, и они остаются необмазанными. Планировка домов колхозников довольно стандартная — двухкомнатная; между комнатами большая печь.

Во дворах усадеб и на берегу — множество предметов, характерных для рыбацкого селения. Сушатся сети на вешалах, конопатятся лодки, лежат железные пешни (суймен) для пробивания льда, весла, багры, сачки; стоят, дожидаясь зимнего лова, сани, большие — конные и маленькие — ручные. Во многих усадьбах видны станки, на которых женщины плетут циновки. Часто встречаются и ткацкие станы «ормек» с натянутой на них яркой цветной основой для узорного тканья. Бродит по поселку и возле него в песках, заросших кустарником, а также в прибрежных камышах, домашний скот — ослы, козы, овцы, в небольшом числе коровы. Много птицы — кур и водсплывающей: гусей, уток, здесь им раздолье. Неплоха жизнь и для любителей рыбы — кошек, которых тоже великое множество.

Юрта здесь широко бытует — и в казахских, и в каракалпакских селениях, представляя собой чрезвычайно удобное летнее жилище. Деревянные остовы юрт приобретают главным образом в Чимбае, где одна из промартелей вырабатывает их. Юрты по большей части нового типа: с остовом из пяти решеток (канат), с 85 жердями кровли (уык). Установка юрты на островах — дело не простое. Ставить ее прямо на рыхлом песке или на сыром морском берегу избегают. Для юрты

подготавливают специальную круглую площадку, диаметр которой несколько больше диаметра юрты. Этот круг обкладывают несколькими рядами крепко связанных камышовых жгутов и поверх рыхлого песка, заключенного в круг, кладут слой глины. На образовавшуюся твердую площадку ставят юрту. Остовы юрт у казахов и каракалпаков сохра-

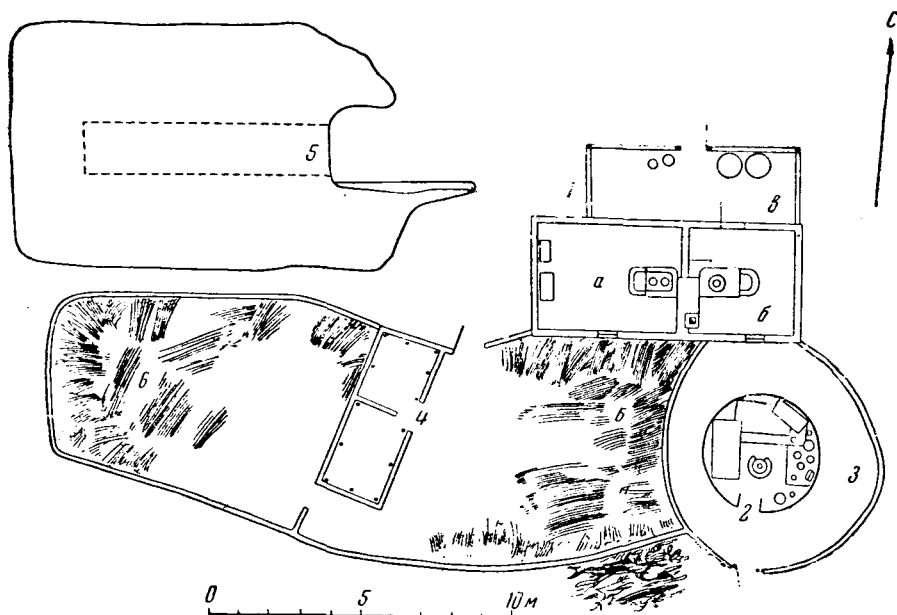

Рис. 8. План каракалпакской усадьбы на о. Тасбескум: 1 — жилой дом: а, б — жилые комнаты; в — передняя — «дализ», служащая хозяйственным помещением, 2 — юрта, 3 — площадка, сделанная на песке для установки юрты и окруженная оградой из камыша, 4 — хлев, 5 — ледник, 6 — двор с находящимися в нем запасами камыша (для топлива и на корм скоту)

няют традиционные национальные особенности, отличаясь разной конструкцией верхнего круга (шангырак) и решетчатых стенок (кереге). Кровля у тех и других покрыта войлоками, стены остова, как обычно в Кара-Калпакии, войлоком не обтягиваются, а закрыты плотными циновками, которые в жаркое время дня раздвигаются, пропуская сквозь решетку — кереге прохладный, освежающий морской ветерок.

Внутреннее убранство юрты очень своеобразно; в нем сказывается, несмотря на устойчивость национальных форм, сильное культурное взаимовлияние местных казахов-алимов и каракалпаков. В казахских юртах здесь повсеместно над тóром (почетным местом против двери) — переплетение узких дорожек «кзыл-кур», типичное для каракалпакской юрты и не встречаемое у казахов других районов. Очень распространены украшающие юрту широкие ковровые дорожки, выполненные техникой комбинированного тканья (шалма) — «ак-баскуры» и «жамбау», с рельефным ковровым орнаментом на гладком белом фоне, тоже типичные для каракалпаков, а у казахов распространенные лишь в присырдарьинских и в приморских районах, т. е. там, где этнические территории казахов издавна соприкасались с каракалпакскими. Нередко в казахских поселках на островах Карабайлы, Акпетки, Тайлакджиген встречаются узорные резные двери, столь характерные для каракалпакских юрт, с близким каракалпакскому орнаментом, а в каракалпакских поселках столь же часты типичные для казахов двери

Рис. 9. Старик в национальной каракалпакской одежде. Колхоз «40 лет Октября», полуостров Муйнак

с яркой росписью и вставными круглыми зеркальцами. На о-ве Мергенатау наме встречались «ший-онгыр» — декоративные полосы, обрамляющие снаружи двери каракалпакской юрты, выполненные не ковровой техникой, как обычно, а чисто казахской техникой аппликации — с вырезанным из цветной ткани и нашитым на кошуу узором.

Можно привести еще немало примеров взаимопроникновения культуры этих народов — в домашней обстановке, утвари, предметах прикладного искусства и др. Но сохраняются и специфические ее черты: у казахов сундуки с горкой сложенных одеял (жук) ставят возле двери, а у каракалпаксов — по сторонам төра. Характерно расположение украшения над дверью внутри юрты — нарядной дорожки «инбау», с сложной бахромой и вытканными именами родственников мастерицы. У казахов инбау горизонтально протянута над дверью; у каракалпаксов две такие дорожки пришиваются к боковым сторонам коврика, находящегося над дверью и называемого «есик-кас».

Вообще художественное ткачество традиционных ковровых принадлежностей для юрты очень развито у населения островов, особенно у казахов. Все юрты чрезвычайно нарядны и красивы. Женщины ткут на узконовойном станке не только ковровые дорожки, но и узорчатую ткань (алаша), сшивая затем из узких полос большие ковры — паласы для украшения стен над төром в юрте и над кроватью в домах. Ткут из шерстяных и бумажных ниток, но пробуют применить и капроновые¹⁰. Красят нитки сами ткачихи, соблюдая традиционную, очень красивую расцветку ковровых изделий. Свообразен часто встречающийся здесь в кайме ковровых тканей орнаментальный мотив «рыбий глаз» (коз балык).

Мы надеялись найти у каракалпаксов — жителей островов Арала много старинных форм национальной одежды, но в этом пришлось разочароваться. Отметим, что местные жители, в прошлом большей частью обнищавшие, не имели никакой возможности выплачивать полагавшийся по обычаю калым за невесту и потому чаще всего умыкали девушек

¹⁰ Следует отметить, что прочные и красивые капроновые нити оказались чрезвычайно подходящим материалом для узорного ткачества. Не подлежит сомнению, что если бы промартелли стали ими снабжать в организованном порядке мастериц-ткачих, это сыграло бы большую положительную роль в развитии такого прекрасного прикладного искусства казахов и каракалпаксов, как узорное и ковровое ткачество.

без принятого по обычаю, приготовляемого родителями невесты приданого, состоявшего в значительной части из традиционных предметов свадебной одежды (кимешека, набора ювелирных украшений и пр.). Распространенность здесь в прошлом браков посредством увоза невесты подтвердилась и при изучении свадебных обычаев местных казахов и каракалпаков.

Все же у нескольких семей каракалпаков-мюитенов оказались хранимые в качестве ценных реликвий богато украшенные вышивкой кимешеки (женский головной убор с нагрудником из красного и черного сукна), старинные, так же вышитые, накидки (типа узбекской паранджи) «жегде» и другие предметы народной одежды, интересные для нас деталями покроя и орнамента. Записаны у стариков сведения о бытовавших у каракалпаков-мюитенов трех типах мужских рубаш, отличавшихся покроем ворота; два вида ворота считают заимствованными: «ногай-жага» («татарский») — прямой стоячий воротник, иногда украшавшийся вышивкой, и «калмак-жага» («калмыцкий») — с боковой застежкой на левой стороне; не вызывает сомнения, что первый из них свидетельствует о культурных связях с Восточной Европой, а второй, возможно, — о монгольском или джунгарском влиянии. Чисто каракалпакским считают старики-мюитены круглый ворот, обшитый узорной тесьмой — «донгалеж-жага»

Вновь накопленный историко-этнографический материал об интересной этнографической группе мюитенов еще раз подтвердил, что они являются отнюдь не обособленным, пришлым племенем, как полагают некоторые этнографы, а местным, коренным, потомками древнего населения, испокон веков связанного с берегами Арала и низовьями впадающих в него великих среднеазиатских рек; всеми своими хозяйственными традициями, материальной и духовной культурой мюитены близки к остальным каракалпакам дельты Аму-Дарьи.

Как уже отмечалось, культурно-бытовое обслуживание колхозников и рабочих, жителей островов южного Арала, встречает специфические трудности, связанные с особенностями природно-географических условий. Четыре бригады колхоза «Красный рыбак» расположены на четырех островах, отделенных друг от друга большей частью расстоянием в 20—25 км. Повседневная связь жителей бригадных поселков при этих условиях все же затруднительна; в особенности это

Рис. 10. Каракалпачка в старинной национальной одежде. Колхоз им. Марата, полуостров Муйнак

касается семей рыбаков — женщин и детей. Между тем, в период наших экспедиционных работ колхоз имел лишь один клуб — на о-ве Карабайлы. Там находится и средняя школа; ученики из соседнего поселка Акпетки ходят на занятия зимой по льду замерзшего пролива, а весной и осенью переплывают пролив на лодках. На остальных островах есть лишь начальные школы. Подобные же трудности мешают регулярному медицинскому обслуживанию населения. Очевидно, они смогут быть преодолены лишь при условии переселения колхозных бригад в один крупный благоустроенный поселок, либо путем расширения и роста нынешних селений на каждом из островов.

Лучше обстоит дело с обеспечением населения продуктами питания и товарами широкого потребления. На всех пяти посещенных нами островах имеются магазины с хорошо подобранным ассортиментом всевозможных товаров.

Вшла в быт практика пользования специальными судами — «плавучими ларьками», которые обслуживают не только селения, но и рыбацьи станы, разбросанные в разных пунктах побережья и на не обитаемых постоянно островах.

Улучшению организации питания семей колхозников призвана служить и ферма колхоза «Красный рыбак», расположенная на материке. Там находятся колхозные стада крупного рогатого скота, овец и коз, а также табуны лошадей, столь необходимых в рыбацком хозяйстве в зимнюю пору для передвижения по замерзшему морю. На ферме есть и посевы — джугары, кукурузы, проса, бахчевых, участки с сгородными культурами — картофелем, луком и пр. Однако овощей и бахчевых не хватает, и «островитяне» летом принимают регулярные поездки к родственникам в Тахта-Купырский район за дынями и овощами. Обычно это поручается не занятым в рыбной ловле старикам.

При наличии в торговой сети довольно широкого выбора продуктов питания, местное казахское и каракалпакское население продолжает употреблять и национальную пищу. В особенности вкусно приготавливаются рыбные блюда — разные виды ухи, вареной и жареной рыбы и др. Традиционным продуктом, которым издавна запасались приморские каракалпаки, отправляясь в сухопутные путешествия и плавания, до сих пор остается вяленая мелкая рыба — «какпаш». Интересно, что хлебная печь — «тандыр», повсеместно распространенная в Кара-Калпакии, у жителей островов отсутствует; каракалпаки здесь, как и казахи, выпекают лепешки в казане или на чугунной плите, приспособленной к очагу. Возможно, отказ от тандыра связан с отсутствием подходящего для него топлива.

Изучение семейно-бытовых отношений выявило чрезвычайно интересный факт большой распространенности смешанных браков между казахами и каракалпаками. Это отмечают и сами жители островов. Есть семьи, где казахско-каракалпакские браки были в нескольких поколениях подряд, так что даже трудно определить, кем фактически является данный житель по своей национальности, хотя счет родства и еще не изжитый обычай экзогамии не ставят под сомнение вопрос о национальности для самого «потомка» такой серии смешанных браков. Один 98-летний старик-казах (алим, рода тама), житель о-ва Карабайлы рассказывал нам, что его семья давно породнилась с каракалпаками: каракалпачками были его мать и жена. У другого старика с о-ва Тайлакджиген мать и жена были каракалпачками, а у отца его жены мать была казашкой.

Нами записано много рассказов о том, как алимы жили в разных урочищах рядом с мюйтенами, по соседству с ними вели свое полукошачье хозяйство, пока не осели окончательно, поселившись вместе на этих островах, а также на Казак-Дарье, в Тахта-Купырском и других районах Кара-Калпакии. Представление о том, что эти две разнона-

циональные этнографические группы «породнились», находит отражение в народном предании, сообщающем, что у мюйтенов и алимов был общий предок. Пожилая казашка с о-ва Тайлакджиген в доказательство широты родственных (брачных) связей с каракалпаками приво-дила свои воспоминания о том, что раньше часто во время народных гуляний, когда начинались «улак» (козлодрание) или «курас» (борьба), мюйтены выступали не на стороне своих сородичей, а присоединялись к карахам-алимам, связанным с ними узами родства и свойства. Если к этим сведениям присоединить изложенные выше данные о значительности культурно-бытовых взаимосвязей казахов и каракалпаков на островах южного Арала, то можно уже с определенностью сделать вывод, что современные условия жизни и этнические процессы в этом районе исконного тесного соприкосновения казахов и каракалпаков ведут к все большему их сближению, продолжая возникшие еще в период средневековья традиции дружественных хозяйственных, культурных и семейно-родственных связей, сложившихся между этими народами на протяжении длительного исторического периода.

S U M M A R Y

The northern, maritime territory of the Kara-Kalpak Autonomous Soviet Socialist Republic, which comprises all of Muinak District and the western part of Takhta-Kupyr District, stands out for its specific natural and historical-ethnographic features. The population of this area since times long past engaged in a complex economy combining cattle raising with primitive farming and fishing; until recently this was clearly manifested in the ethnographic features peculiar to the Kara-Kalpak and Kazakh population of the area.

At present the indigenous population specializes in highly organized fishing, making wide recourse to its age-old experience and skill.

The fact that the Kara-Kalpak and Kazakh population groups have lived side by side for a lengthy period of time provides for large-scale reciprocal cultural influences, clearly traceable in the present-day material and spiritual culture of the population of the islands in the southern part of the Aral Sea.
